

Они любить умеют только мертвых —
сказал Пушкин устами царя Бориса. Вот и смерть Иосифа Бродского
опять всколыхнула «общественность». Старая не давала Бродскому
жить, новая не оставляет в покое после смерти. Письмо известного
поэта Льва Лосева президенту напоминает о не усвоенной нами истине:
смерть человека, как и его жизнь, дело частное.

Глубокоуважаемый г-н Президент,
Борис Николаевич,

скорее всего, Вы не прочтете этого письма. У меня довольно смутные представления о том, как устроена жизнь президентов, но я полагаю, что Вы читаете только те письма, которые Ваш секретариат считает достойными Вашего внимания. Вряд ли это письмо может быть отнесено к материалам, смеющим претендовать на время президента великой державы. С малыми державами другое дело. Поэт Иосиф Бродский обратился однажды с пространством письмом к Вацлаву Гавелу. Он там критиковал некоторые высказывания Гавела в печати и сделал чешскому президенту несколько предложений относительно внутренней политики его страны. Бродский, как он и сказал в самом начале своей Нобелевской лекции, был человеком частным «и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшим», и поэтому чешское правительство не могло заявить протест против вмешательства Бродского во внутренние дела суверенного государства. Да Гавел бы, наверное, и не стал этого делать. Он ответил русскому поэту теплым и вдумчивым письмом. Приглашал его как-нибудь заехать в Прагу, обсудить разногласия в неторопливой беседе. Бродскому не пришлось побывать в Праге. Он умер в Нью-Йорке всего пятидесяти пяти лет от роду. Ишемическая болезнь. Вам эта штука знакома. Мне тоже. Заставляет время от времени думать о смерти. И о после.

Вот по этому поводу я и пишу. Я только что узнал, что группа российских писателей обратилась к Вам с призывом содействовать выполнению «поэтического завещания Бродского» — содействовать перенесению его праха в Россию. Я этого обращения еще не читал, не знаю, кто подписал его, но думаю, что подписавшие исходили из самых лучших соображений. Есть люди, для которых такие символические акты имеют большое значение. Это они ведут споры о том, должен ли гроб с телом Лена стоять в мавзолее на Красной площади как главная святыня отечества или останки тирана не должны оскорблять сердце России. К таким чувствам можно и должно относиться с уважением. Но Бродскому как человеку частному такие чувства не были свойственны.

Что дает мне право так говорить? Многомного лет он был моим близким другом. Когда-то он посвятил мне стихотворение, в котором была строка: «Я любил немногих. Однако сильно». «Немногих» — это по масштабам его великой души. По нашим, людей обычных, меркам у него было много любимых друзей. Имена их можно найти в посвящениях. Думаю, что всем им ссылка группы писателей на «поэтическое завещание» Бродского покажется весьма сомнительной.

В молодости поэт писал в стихотворении, которое позднее стало очень популярным, потому что написано проще, чем большинство его, скажем прямо, трудноватых для массового читателя вещей: «Ни страны, ни погоста/ не хочу выбирать./ На Васильевский остров/ я приду умирать...» И еще, обращаясь к своему любимому городу, который он называл «Безымянным городом»: «Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...» Согласитесь, трудно придать этим лирическим излияниям юридическую силу. Тем более, что было дано — дали. Из любимого города выставили бесцеремонно, а годы спустя не пустили даже к умирающей матери, даже на похороны. Вы, г-н Президент, не так давно схоронили мать, можете представить себе, какое это было горе и какая обида. Уж и «перестройка» начиналась, когда умер у Бродского отец. И снова не пустили. Нет, не хотел поэт возвращаться в родной город. «Он и после смерти не вернулся/ В старую Флоренцию свою», — писала Анна Ахматова, и Бродский повторял эти строки своей великой покровительницы.

Стихи, как я уже сказал, вряд ли могут быть использованы как юридический документ. В них высказываются противоречивые чувства. Сравнительно не так давно, например, Бродский писал: «...не знаю я, в какую землю лягу». Но он, я могу засвидетельствовать, высказывался на эту заупокойную тему и в разговорах. Так, ему очень нравились мирные сельские кладбища Новой Англии. Городок Саут Хедли,

где он преподавал в колледже лет двадцать, Бродский считал своим домом. Он несколько раз говорил о том, что неплохо быть похороненным там. Но и по этому поводу решительных указаний не делал.

В решении Марии Бродской, вдовы поэта, похоронить мужа на кладбище Сан-Микеле в Венеции я вижу проявление глубоко понимающей любви. Венеция была его любимым местом на земле. Он о ней написал много прекрасных строк. Вы спросите: а как же «Безымянный город»? Разве не любил он больше всех городов на свете Петербург? Как бы Вам сказать — для Бродского эти два города были как бы одно. Но это сложные материи, и я бы с удовольствием о них с Вами поговорил в иных обстоятельствах. Сейчас же важно другое: Бродский очень сильно любил Венецию. Как и многие русские писатели до него. Туда так стремился, да так туда и не подал Пушкин. Венецию любили Тургенев и Достоевский. На том же кладбище Сан-Микеле покоятся два замечательных русских человека — Сергей Дягилев и Игорь Стравинский. На карте русской культуры (упаси Боже, не на политической карте!) есть такой город — Венеция.

Г-н Президент, люди, обратившиеся к Вам, были обуреваемы благородными чувствами, но надо оставить последнее частное дело частного человека на усмотрение его семьи. В эти печальные дни я говорил со многими из близких поэту людей и знаю, что так же думают Юз Алешковский, Михаил Барышников, Петр Вайль, Александр Кушнер, Марго Пикен, Евгений Рейн, Вероника Шильц. Конечно, у читателей Бродского будет появляться естественное человеческое желание поклониться могиле поэта. В этом смысле как раз многое может зависеть от Вас как от политика и руководителя страны. Ведь для многих россиян доехать до Венеции ближе, чем до иного российского города. Было бы только обеспечено человеческое право на свободу передвижения.

Честно говоря, даже если бы существовал юридический документ, завещание Бродского с распоряжением похоронить его в России, я бы, конечно, был за то, чтобы выполнить волю покойного, но, если бы меня спросили, посоветовал бы семье повременить. Вы лучше меня знаете, что время сейчас смутное. Много на нашей родине еще человеческой дряни, людей, которые не остановились бы и перед оскорблением могилы поэта. На письменном столе у Иосифа я видел присланную из Петербурга фотографию: на стене его бывшего дома кто-то написал «Здесь жил Бродский», а другая, фашистская, рука переделала «жил» на «жил». Согласитесь, гадко. Ну и уж не мне Вам говорить, что могут наделать с памятником коммунисты, если, не дай Бог, опять дорвутся до власти. Могут просто стереть с лица земли, как они заставили Вас уничтожить Ипатьевский дом в Свердловске. Или при них место захоронения может оказаться в «зоне», за колючей проволокой, как случилось с прахом поэта Полонского, о чем поведал нам Солженицын.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич, в этом письме, которое Вы не прочтете, я призываю Вас вежливо отклонить обращение группы писателей. То есть я думаю, что Вы это сделаете и без моих советов. Я также думаю, что, даже если бы Вы и поддержали их требование, все равно за семей покойного осталось бы решающее слово. Я хочу опубликовать это письмо только потому, что считаю своим долгом засвидетельствовать то, что по этому поводу знаю.

Искренне,
Лев ЛОСЕВ

P.S. А известно ли Вам, что покойный поэт написал о Вас очень тепло в одном стихотворении? Сравниваю Россию с корабликом в бурном море, он заканчивает так:

Но ты, кораблик, чей кормщик Боря,
не отличай горизонт от гора.

Лети по волнам стать частью моря,
лети, лети.

Вы, конечно, не обидитесь на фамильярное «Боря». Тем более что некоторые критики находят здесь двусмысленность: «Боря» — это как бы и Вы, и северный ветер — Борей. Стихам по самой их природе свойственна дву- и многосмысленность. Поэтому-то ими и нельзя пользоваться как директивным документом.